

DOI <http://dx.doi.org/10.18524/2312-6809.2018.26.129474>

УДК 821.161.1-3.09

ПОЭТИКА ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ АНТОНА ПОНИЗОВСКОГО «ПРИНЦ ИНКОГНИТО»

Валентина Мусий, д-р филол. наук, проф.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

valentinanew2016@gmail.com

В центре внимания автора статьи — недавно опубликованный роман «Принц инкогнито» современного российского автора Антона Понизовского. Изучение системы повторов на уровне деталей, наименований, а также образов персонажей предпринято для выявления авторской концепции действительности, воплощенной в произведении. Одна из ключевых теоретических категорий, которой оперирует автор статьи, — «точка зрения». Анализ связи между конфигурацией точек зрения и структурой романа Понизовского дает основания предполагать, кому из персонажей отводится роль центрального героя, кто из персонажей является истинным принцем, а кто — мнимым. Однако автор статьи приходит к выводу, что оба «принца» независимо от их места в системе персонажей терпят фиаско в столкновении с жизнью из-за пассивности избранной жизненной позиции, поэтому они выступают в романе в качестве двойников.

Ключевые слова: роман, персонаж, двойничество, структура романа, точка зрения, авторская концепция, Антон Понизовский.

Цель предлагаемой статьи — определить суть воплощенной в произведении авторской концепции. В качестве пути к реализации этой цели мы избрали анализ конфигурации точек зрения в нем. При этом мы учитываем, что ни одна из выраженных точек зрения не тождественна «имплицитно явленному в тексте авторскому кругозору» [3, с. 51]. Читатель волен принимать в качестве более или менее близкую авторской позиции любого из персонажей. При этом он может и заблуждаться. Однако, как представляется, именно конфигурацией, расположением этих точек зрения писатель задаст читателю ориентиры для наиболее адекватного его задачам понимания текста. Применительно к роману, ставшему объектом нашего внимания, достижение обозначенной цели представляется особенно затруднительным, поскольку в нем два центральных образа, и читатель вынужден постоянно, от главы к главе, переключать свое внимание с одного угла зрения на события — на иной. Тем интереснее представляется нам подобное исследование.

Изложение материала. Приступая к работе над статьей, мы собирались назвать ее иначе: «Все мы — принцы инкогнито, а вокруг

нас — Колываново». Это первоначальное название было сложено с помощью цитат из опубликованного совсем недавно, в 2017 году, романа российского писателя Антона Понизовского. Герой произведения считает себя испанским принцем, которого в младенчестве подменили, в результате он был воспитан вдали от родины и теперь готовится к коронации. При этом он мысленно пребывает на корабле «Цесаревич», направляясь к своей цели, а телом — в палате для душевнобольных, из которой его ожидает отправка в нижний круг больничного ада — находящееся в заброшенной деревне Колываново отделение для «хронических». Из Колыванова есть только один выход — в смерть (причем, скорую). Основанием же для обобщающего «все мы...», которое мы собирались вынести в начало заглавия статьи, является пронизывающая роман А. Понизовского система повторов-сцеплений образов, фраз, характеристик. Они прослеживаются на уровне самых мелких деталей и формируют впечатление, что на самом деле перед читателем не множество персонажей, а один. К примеру, фамилия одного из офицеров на том корабле, что везет принца, и санитарки в больнице, тети Шуры, — Ломоносовы. Название корабля — «Цесаревич», а прозвище, которое даст новенькому пациенту палаты медбрат — «инфант». Сначала сам принц инкогнито вспоминает, хотя и не абсолютно точно, строки стихов Н. А. Львова «На угольный пожар» (1799), представляя себе пожар на корабле, затем те же стихи слышит звучащими из офицерской каюты на «Цесаревиче» Минька и, наконец, их по-своему декламирует шизофреник Костя по прозвищу Кардинал: «Вода огонь не потушает, огонь ея — не осушает! Кар, Поэт Львов, кар-кар! Поэзия ... львов! ... И тигров...» [2, с. 84]. «Отсеки» и «штиль» называются в качестве атрибутов не только корабля и обстоятельств его плавания, но и больницы. «Отделение, — сообщает повествователь, — разделялось на две неравные части, которые по-корабельному назывались «отсеками». В левом, более просторном крыле находился «лечебный отсек»...» [2, с. 39–40]. И объяснить все эти совпадения лишь тем, что на самом деле воссоздается поток сознания одного человека, попеременно фиксирующего происходящее вокруг него в больнице и в воображаемом мире, представляется недостаточным. Поскольку, как обнаруживается, у живущего в пространстве воображения пациента есть двойник — служитель отделения для душевнобольных. Этим двойничеством определена структура романа А. Понизовского. «Принц ин-

когнито» строится на чередовании глав, в которых выражается точка зрения пациента больницы, имя которого до некоторых пор (в связи с детективной составляющей жанра романа) скрыто от читателя за «я», «Невозможный матрос», «принц» — это 1,3,5,7,9-я и 10-я главы с объективной формой повествования, в центре которых — поступки и мир чувств и мыслей служащего в больнице медбратом Дживана, о чем повествуется в 2,4,6,8-й главах. Особенность реализации мотива двойничества в этом произведении заключается в том, что сами персонажи-двойники даже не предполагают подобия друг другу. Вывод о двойничестве формируется лишь в сознании читателя и обусловлен авторской концепцией действительности. «Введение в произведение внешнего двойника, — пишет А. Крылова, — всегда маркирует эстетическую установку автора на неприятие современной ему действительности» [1]. Суть заключается в том, что читатель, в отличие от пребывающих в пространстве воображения героев, неизбежно приходит к выводу о неблагополучии их положения, об иллюзорности возможности для каждого из них что-либо изменить в лучшую сторону, самореализоваться.

На первый взгляд, эти персонажи абсолютно разные. Начнем с того, что различно их положение: один является пациентом, находящимся в зависимости от медперсонала, а другой представляет этот самый медперсонал. Один пытается совершить поджог в отделении, а другой — предотвратить пожар. Один всегда заключен в пределах отделения, а другой — свободно передвигается по городу, общается, планирует свою жизнь и, кроме всего прочего, осознает свою ответственность за пациента, убежден, что в силах повлиять на его будущее. Примечательно, что оба мысленно сравнивают себя друг с другом, и каждый убежден в собственном преимуществе. В глазах Гаси двойник Дживан — «гнусный коротышка» [2, с. 131]. В глазах Дживана Гася — «туша», подобие экзотического животного, бегемота и хамелеона. «Дживан, — сообщает повествователь, — смотрит на Гасю и думает: вот его абсолютная противоположность. Он, Дживан, — крепко сбитый, компактный, легкий, быстрый. Гася — чудовищного размера, при этом бессильный. У Дживана острый язык, отточенные формулировки. У Гаси явный мутизм (возможно, на почве гидроцефалии): он вообще не в состоянии разговаривать. У Дживана было множество женщин — у Гаси отсутствует половое влечение. Дживан в свои сорок лет наслаждается идеальным здоровьем, живет полной

жизнью, а Гася практически расползается, распадается, причем не только психически, но и буквально: у него так называемая диабетическая стопа, как с ним ни бьются, уже налицо некроз...» [2, с. 191]. У них различный опыт общения с людьми. Гася встречал со стороны окружающих лишь унижение и боль. Уверенный, что его мать «по ложному обвинению» из Ленинграда была сослана в Подволоцк, он называет соседей по пятиэтажке «занюханскими скобарями» *«де мьер-да»* [2, с. 218]. Напротив, первые детские воспоминания Дживана — о лучшем дворе в Баку и лучших в мире соседях: «В любую квартиру, кроме квартиры дяди Валида, можно ворваться без предупреждения и без стука... Везде Дживанчику будут рады, напоят, накормят...» [2, с. 16]. Получившие настолько разный опыт общения с людьми, они по-разному к ним относятся. Гася готов приветствовать каждого, кто не проявляет к нему презрения или агрессии. Он производит слепого соседа по палате Вилю в герцоги за то, что тот не выдал его санитарам, и превращает Амина Шамилова, попытавшегося вслед за ним поджечь дверь заведующей, в «тайные оруженосцы» [2, с. 262]. Но на самом деле тех, кто не унижает его, единицы. Что же касается Дживана, то для него восхищение (в первую очередь женщин) — явление очевидное и само собой разумеющееся. Поэтому он, в отличие от Гаси, откровенно ненавидит того же Амина Шамилова: внешне — из-за того, что его богатый и властный папаша использует отделение для душевнобольных с тем, чтобы спрятать в нем сына от уголовного наказания. На самом деле — из-за красавицы невесты, носящей тому корзины еды, а также из-за того, что этот юнец, сам ничего толком не добившийся, имеет возможность отдыхать на курортах, даже названия которых ему, Дживану, неизвестны.

Однако обнаруживается, что между медбратом и пациентом гораздо больше сходства, чем можно было бы предположить. Начнем с того, что у обоих нет отцов. Дживан хорошо помнит своего, известного невропатолога Гранта Лусиняна, который пропал без вести, спасая людей в Спитаке после землетрясения. Гася своего отца никогда не видел. Но вот то, как он себе в детстве объяснял причину отсутствия отца, напоминает пережитое Дживаном. В своем бесконечном монологе, обращенном к матери, Гася однажды заявляет: «...не смогу тебе толком объяснить почему, но он был связан в моем воображении с землетрясением — или с какой-то расщелиной или пещерой, возникшей после землетрясения. Можешь себе представить такую глупость?

Я смутно припоминаю — или воображаю, — что когда-то очень давно ты сказала, что он «провалился сквозь землю», и я маленький это воспринял буквально» [2, с. 220]. Безусловно, здесь, скорее всего, и в самом деле сыграла роль буквальность восприятия ребенком фразы, которую произносят в связи с упоминанием того, кто бесследно исчез, но переключка с историей Дживана очевидна.

Еще более ярко эти сцепления-отталкивания между Гасей и Дживаном прослеживаются при анализе того, как складываются отношения каждого из них с матерью. И вновь, на первый взгляд, налицо очевидная противоположность. Мать Дживана всегда гордилась им, успешным студентом и будущим врачом. Мать Гаси переживала отчаяние из-за его поступков: поджег покрывало, а когда она вбежала в комнату, трясась от ужаса, решил, что она шутит, и «закатился смехом» [2, с. 211]; опоздал домой на час двадцать, испачкал новую куртку копотью, явился домой после занятий в бассейне мокрым и т.д. И каждый раз у матери поднимался сахар в крови, и она кричала ему: «Что же ты за человек такой вырос? Что за паршивец, а? Что за дрянь такая бессовесная?» [2, с. 213]. Но в конечном итоге оказывается, что и успешный Дживан, и абсолютный неудачник Гася не только обманули надежды своих матерей, но и предали их. Самым ярким воспоминанием Дживана, с которым он никак не мог примириться, было случившееся за несколько дней до смерти матери. Она уже долгое время находилась в забытии, «иногда бормотала невнятное, по большей части дремала». Однако в тот день ему показалось, что она очнулась и смотрит на него «внимательным, совершенно осмысленным и ясным взглядом». А затем мать тихо, но внятно произнесла: «Вечинч». Никогда раньше, признается себе Дживан, она не смотрела на него так — «со снисходительной жалостью, даже немного брезгливой, немного презрительной, — так смотрят на человека, который сделал что-то постыдное, недостойное...». А затем она вновь повторила: «Вечинч...», что обозначало «ничего-ничего». Так говорят в случаях, когда хотят утешить: «... чего уж теперь... может, ещё как-нибудь образуется...». Дживан вспоминает, насколько в эту минуту «был изумлён и, стыдно признаться, обижен — он, образованный, интеллигентный, талантливый, всеми любимый, меньше кого бы то ни было заслуживал презрительного снисхождения». Не раз, вспоминая случившееся, он пытался найти ему оправдание: мать перепутала его с кем-то. Но в память все равно «врезалась именно

полная ясность, даже как будто провидческая, — ясность, презрение и печаль» [2, с. 19–20]. Поступок, который совершил Гася, предательством матери назвал только он сам. Она никогда не узнала, что произошло на самом деле. Ночью в их квартиру забрался вор. Проснувшийся Гася вспоминает, что онемел от ужаса, обнаружив в комнате чужого, который, чтобы ребенок не начал шуметь, зажал ему ладонью рот и часть носа. «И тут, — признается Гася, — случилось самое невыносимо позорное...». Зажимавшая ему лицо рука показала ему сильной и надежной. И он поцеловал руку «грязному подлому вору», укравшему все, что было заработано матерью. И все же, несмотря на столь бесславный для обоих характер развития отношений с матерью, представляется, что вектор этого развития в каждом случае различен. Мать Дживанчика медленно освобождалась от гордости за сына и постепенно шла к разочарованию в нем, к жалости к нему, мать Гаси — от ссор и упреков к, как представляется, пониманию и молчаливой поддержке. Возможно, это только казалось Гасе, но в конечном итоге эта несчастная женщина догадалась, что он здоров психически, но у него нет иного пути защиты от внешнего мира, как закрыться от него в аутизм. «Последние месяцы, которые мы провели вместе с тобой, — мысленно говорит он ей, — остались у меня в памяти как самое лучшее, самое мирное время» [2, с. 240–241]. Возможно, и в самом деле незадолго до смерти мать приняла его путь противостояния злу внешнего мира.

Главным основанием суждения о том, что Гася и Дживан — двойники, является уверенность каждого из них в собственном царственном происхождении, вера в ожидающее их величие. «Я, я — император Рима, король Германии, Арагона, Кастилии, островов Балеарских, Канарских и Индий, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии и Люксембурга, пфальцграф Голландии и Зеландии, государь Калифорнии... Я — любимый. Я твой, — говорит Гася, мысленно обращаясь к умершей матери. — Лучший в мире. Единственный, уникальный. Не для того я родился, чтобы прозябать на 2-й Аккумуляторной улице, между военной частью и гаражами; не для того, чтобы ... слушать... повторяющиеся по кругу убогие шутки, санитарское обсуждение урожая картошки...мычание и хихиканье слабоумных ... я больше не хочу смотреть на это уродство, не хочу прикасаться к этому людскому месиву, к этой дряни, будто нарочно созданной для издевательства над нами...» [2, с. 107–108]. Мысли Дживана о собственной исключительности в

значительной мере звучат так же, как и Гасины. Оказывается, у него такая же фамилия (де Лузиньян), что и у последнего короля Армении. «И если, — излагает Дживан историю своего рода, — среди человечества мы, армяне, глобально, как нация, первые прародители... А среди нашей нации я наследник, подчеркиваю, прямой наследник «Короля всех армян», то чисто технически — я еще раз подчеркиваю, технически: кто я получаюсь? Глобально? Среди человечества?...» [2, с. 198–199]. При этом оба «тайных принца» с пренебрежением смотрят как на окружающих, так и на тех, кто являются официальными представителями царских династий. В этом плане обращает на себя внимание совпадение оценок Гасей и Дживаном, поднявшегося на борт «Цесаревича» императора — принца крови, фото которого он разглядывает в витрине киоска «среди зажигалок, заколок, наклеек, фломастеров и огородной рассады». Ему кажется, что внешне этот принц напоминает его самого, Дживана: «с таким же твёрдо очерченным подбородком, с такой же ранней породистой сединой; разве что чуть постарше — лет, может быть, сорока пяти — сорока семи...». Однако Дживан смотрит на него снисходительно, уверенный, что тот уступает ему в аристократизме. «Мундир, — отмечает Дживан, — не спасал: простовато, мужиковато смотрелся принц» [2, с. 13–14]. Примерно таким же предстал перед Миникой (Миника выдуман Гасей, чтобы иметь возможность видеть себя со стороны) и русский император во время зноя. «Врезалось почему-то, — передает принц мысли своего будущего оруженосца, — либо китель пошили не по размеру, либо ремень был туговат — но сзади складки на кителе Государя топорщились, выпирали не по-морскому» [2, с. 61]. Это переживание Миникой обыкновенности монаршей особы важно, поскольку подчеркивает необычность облика Невозможного матроса, в котором впервые перед ним предстает Гася. Итак, и Гася, и Дживан представляют себя избранныками, принцами. Но признаются в этом разным собеседникам.

Единственный адресат истории Гаси — его умершая мать. Избрав для себя диагноз «аутизм», поскольку в описании заболевания были строки о том, что больной скользит «невидящим взглядом по окружающим его предметам и лицам» [2, с. 231], Гася навсегда замолкает для окружающих. Итак, монолог Гаси — внутренний. И обращен он к матери, а также верному оруженосцу Миньке. Что же касается Дживана, то его рассказ происходит в самой неподходящей для этого обстановке: ночью в кабинете начальницы, после очередной рюмки

коньяка. Это эпизод из восьмой главы романа. Она имеет кольцевое построение. Восьмую главу открывает сон Дживана, видящего себя плывущим в ночном троллейбусе по «жидкой тьме» в окружении глубоководных рыб, актиний и неизвестных организмов, «как будто троллейбус движется в недрах моря, под многокилометровой толщей воды. Дживан целиком погружается в созерцание тьмы. Редко-редко угадываются извилистые следы незнакомых холодных существ» [2, с. 185]. Такая же тьма («не черная, а как бы пыльная или зернистая», которая «колышется и крошится перед глазами» [2, с. 204]), окутывает его после рассказа о своем царском роде и последовавшего после этого нарушения им табу на интим с начальницей. И тут же в его сознании возникают вопросы: «...что он делает сейчас? И с кем? Что он сделал за всю свою жизнь в ожидании коронации? Совершил подвиг — какой? Сохранил верность — кому или чему? Что осталось, кроме чувства собственного превосходства, особенно после неприглядного на фоне тех, кого он про себя называет мизераблями?» [2, с. 204]. Однако в конечном итоге для мира умирают оба. И Гася, который погрузился в воображаемый мир, и Дживан, деятельный и успешный, как ему кажется, в жизни. И если Гася больше всего напоминает гоголевского Поприщина, превращающегося в трагическую фигуру к концу произведения, то для образа Дживана самая очевидная аллюзия — доктор Рагин из «Палаты № 6» А. П. Чехова. Хотя Дживан не пьет водку, как чеховский герой, в отличие от него, он деятелен и убежден в том, что только на нем держится отделение, которое он пытается спасти от пожара, и, следовательно, не видит в нем источник зла, как доктор Рагин. Да и Гася — это не Громов, увлекающий чеховского героя своими рассуждениями. Но, невзирая на все эти отличия «Принца инкогнито» от «Палаты № 6», Дживан является двойником Рагина. И не только потому, что Рагин в конечном итоге превратился в пациента, а Дживан с ужасом понимает, что приближается к мизераблям, что от душевнобольных к нему «тянутся липкие щупальца, волоконца». Гораздо важнее то, что и Рагин, и Дживан так себя и не реализовали. Поэтому у читателя и складывается впечатление, что, независимо от того, на чем (корабле «Цесаревич» или троллейбусе), по каким водам (синим океанским, освещенным солнцем или же мутным и темным), они плывут, оба принца в романе Антона Понизовского движутся в одном и том же направлении. И ни одному из них не суждено осуществить свои планы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крылова А. Определение понятия «двойничества» в литературе и фило-софско-эстетическая база его возникновения [Электронный ресурс] / Анастасия Крылова // Парус. – № 34. – Режим доступа: parus.ruspole.info/node/5628.
2. Понизовский А. В. Принц инкогнито: [роман] / Антон Понизовский. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 288 с.
3. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова) / В. И. Тюпа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.

ПОЕТИКА ДВІЙНИЦТВА В РОМАНІ АНТОНА ПОНІЗОВСЬКОГО
«ПРИНЦ ІНКОГНІТО»*Валентина Мусій, д-р філол. наук, проф.**Одеський національний університет імені І. І. Мечникова*

У центрі уваги автора статті — нещодавно опублікований роман сучасного російського письменника Антона Понизовського «Принц інкогніто». Для досягнення головної мети — виявлення авторської концепції дійсності, втіленої у творі, досліджено систему повторів на рівні деталей зовнішності персонажів, їхніх прізвищ, обставин їхньої долі, найменувань предметів оточення, а також вияву двійництва на рівні системи персонажів. Одна з ключових теоретичних категорій, якою оперує автор статті, «точка зору». Проаналізовано зв'язок між конфігурацією точок зору і структурою роману. Автор доходить висновку, що, незалежно від центральної або другорядної ролі у творі, обидва «принци» терплять фіаско в зіткненні з життям із-за пасивності обраної ними життєвої позиції, тому вони виступають у романі в якості двійників.

Ключові слова: роман, персонаж, двійництво, структура роману, точка зору, авторська концепція, Антон Понизовський.

POETICS OF DUALITY IN NOVEL BY ANTON PONIZOVSKY
«PRINCE INCOGNITO»*Valentina Musiy, prof., DrSc (Philology)**Odesa I. I. Mechnikov National University, Ukraine*

The object of this article — a novel by modern Russian writer Anton Ponizovsky «Prince incognito», which was published in 2017. The article focuses upon the defining of the specificity of author's conception. A way of gaining the aim of the article is an analysis of configuration of points of view in the work by Ponizovsky and investigation of such important motive, as duality. The image of reality in A. Ponizovsky's novel is done through the prism of perception by two personages. There are ten chapters in the novel. Six of them include the perceiving of the world by the patient of psychiatric

department of the hospital (1, 3, 5, 7, 9 and 10 chapters), five — by the medical worker of this department (2, 4, 6, 8 chapters). Relations between these two central personages are contradictory. They are the enemies because the aim of the patient is to carry out arson, and the aim of medical worker — is to prevent a fire in the hospital. But between them are harmonious relations too, because the aim of medical worker is to care about the patient, shut out his dispatch to Kolyvanovo, a place where is located the department of the hospital for the hopeless psychical cases and patients are send to it for their death. Textual criticism analysis of repetitions of the names, expressions, circumstances of biography, fantasies of both heroes grounds to count them as twins. Gasja (a patient) and Dzivan (a medical worker) lost their fathers (and may be — in earthquake). Mothers of both heroes become disenchanted with their sons. Both heroes believe in the tsar's origin. And both heroes stand a fiasco in a collision with life in spite that one of them is active and believes in the possibility to change own life and another is passive and hides from the life. But finely both appear helpless and incapable to realize themselves. The finale of the novel is contradictory. «Prince incognito» ends with the picture of coronation of prince, his victory over opponents. But a reader understands that it is the image of fantasies of a hero which is doomed to near death. And a reader gets the impression, that all people in any case are such, as this personage — princes in their dreams and victims in reality.

Key words: novel, personage, duality, structure of the novel, point of view, authorial conception, Anton Ponizovsky.

REFERENCES

1. Krylova, A. (2014), *Opređenje ponyatiya «dvojnichestva» v literature i filosofsko-ehsteticheskaya baza ego vozniknoveniya* [Determination of the concept of «duality» in literature and it's philosophical-aesthetic base] [in:] *Parus*, no. 34, available at: parus.ruspole.info/node/5628 [in Russian].
2. Ponizovskij, A. V. (2017), *Princ inkognito: roman* [Prince incognito: a novel], Izdatel'stvo AST: Redakciya Eleny SHubinoj, Moscow [in Russian].
3. Tyupa, V. I. (2001), *Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa («Arhierej» A. P. CHEkhova)* [Narratology as an analytics of narrative discourse («Bishop» by Anton Chekhov)], Publishing House of Tver State University, Tver [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 2 березня 2018 р.